

КАГДАТА

Когда мне было три года, а тебе шесть, я бросил в тебя камень, чтобы проверить тебя. То ли на реакцию, то ли на прочность.

Когда тебе было три, а мне шесть лет, ты укусила меня за ногу, потому что я увлеченно разговаривал с другой девочкой.

Когда мне было пять лет, а тебе десять, тебе было уже неловко играть с маленькими детьми – и ты пряталась за занавеску, если я появлялся под вашими окнами и начинал заунывно выкрикивать твое имя. В конце концов, твоя мама не выдерживала и, выглянув, заявляла, что ты уехала к родственникам в Тюмень. Мне было пять, в Тюмени я никогда не был, поэтому полагал, что в Тюмени как в чулане – всегда темно и затхло. Туда ссылают нелюбимых родственников. Значит, ты что-то сделала не так.

Когда мне было семь, а тебе тридцать девять, я набрызгал бабушкины духи на пальто твоего мужа, потому что видел нечто подобное во французской комедии и надеялся, что вы поссоритесь, расстанетесь – и ты сможешь дождаться меня, когда я стану усатым капитаном собственной трехмачтовой шхуны. Однако твой муж почувствовал вонь и, расвирепев, – и вот меня уже интересует нечто совсем другое: как лучше сверить проводку топенантов на судах типа шнявы? Крепление коренного конца, оно ведь выполняется на ноке рея – или он подвязывается к одиночному блоку на эзельгофте?

Когда мне было пятнадцать, а тебе шестнадцать, мы решили ждать до восемнадцати. Но не дождались.

Когда тебе было двадцать четыре, а мне семьдесят два, ты ходила ко мне в гости, чтобы обсудить самоубийство Есенина и инсценированную казнь Достоевского. Мы пили чай, ели песочное печенье, я улыбался и кивал головой, автоматически ссылаясь на свидетельства современников, а сам мучил себя только одним вопросом: неужели ты приходишь только ради печенья и чая? Говоря о неудачной суицидальной попытке Горького в 1887 году, я прокручивал в голове многочисленные варианты того, как бросаю тебя на тахту, срываю с тебя это платье – или что там у тебя – стаскиваю трусики и люблю, люблю сильно, пока ты не потеряешь сознание. Однако – скоро темнело, чай остывал, спина ныла, правое колено сводило с ума, и, когда ты, рассыпаясь в благодарностях, наконец-то уходила, я каждый раз начинал чувствовать это, слышать звенящий голос вдохновения. С жадной крушить и создавать подлетал я к написанному накануне – долго изучал, исправлял одно слово и тихо уходил в тень.

Когда тебе было двадцать девять, а мне тридцать, ты проснулась с утра в пустой квартире. Ты не знала, где я, когда вернусь и чем тебе сегодня заняться. Ты бродила по квартире, что-то съела, что-то сделала, о чем-то подумала. Ты взяла пиво и мой ноутбук, в недрах которого скрывались новые серии любимых сериалов, и пошла на балкон загорать. А когда нашла на ноутбуке фотографии из моего прошлого и принялась их одну за другой стирать, ты заплакала. В этот момент я покупал для тебя папку с копиями японских гравюр.

Когда мне было девятнадцать, тебе едва исполнилось семнадцать – и ты не захотела знакомиться со мной на улице: в своей кепке я был похож на жулика из советского сериала.

Когда тебе было тринадцать, а мне сорок два, ты услышала по радио, что я разбился в авиакатастрофе. Ты не хотела верить и потому упрямо рассказывала

одноклассникам, что я выжил и жду помощи на каком-то затерянном острове. Ты даже ходила смотреть на пляж – нет ли бутылки с моим посланием – и странным образом эта привычка осталась у тебя на всю жизнь: даже годы спустя, когда ты обзавелась семьей и выгуливала своих бледных детей, то взглядом, неосознанно, искала в воде зеленую бутылку с сургучной печатью. Но вот дети кричат и размахивают руками – и ты, вздохнув, мчишься выпутывать вашу собаку из очередных рыбацких сетей.

Когда тебе было тридцать девять, а мне тридцать шесть, нам было тяжело определить на глаз возраст друг друга. Мы просто познакомились на открытии выставки – и нам стало жутко неловко оттого, как хорошо мы сразу друг друга поняли, – и оттого, что мы были с нашими многолетними спутниками. Ты суетливо и очень демонстративно, смеясь невпопад, искала в сумке мобильный, а я, пятясь, толкнул официантку с подносом – и все закуски оказались на полу (кажется, посетители только обрадовались этому обстоятельству, поскольку обсуждать инсталляции из пружинки и дохлых птиц было мучительно). Мы не знали, как нам вести себя дальше, мы не знали, насколько мы понравились друг другу, насколько это могло бы быть серьезно и стоило ли рисковать. Мы сухо попрощались и больше никогда не виделись.

Когда мне был двадцать один год, а тебе тридцать два, ты всем рассказывала, что тебе скоро тридцать. Наверно, с этого момента время и пошло вспять.

Когда тебе было одиннадцать, а мне почти одиннадцать, ты мне не дала списать на контрольной по географии. И сразу – как по волшебству – тебе перестали приходить письма от тайного поклонника.

Когда мне было двадцать три, тебе тоже было двадцать три – и, воспользовавшись совпадением, мы решили пожениться. Помню, нам так тогда понравилась эта мысль, мы просто часами лежали и мечтали. Потом укутались в огромное одеяло, но, ощутив, что этого недостаточно, заставили себя встать и достать из шкафа несколько одеял потоньше. Тогда, через некоторое время утомившись, мы смотрели на потолок и завороченно думали: Ну вот, теперь-то мы по-настоящему оуклились... а утром проснемся... большими-большими, ленивыми бабочками.

Когда тебе было восемнадцать, а мне тридцать семь, я рассказывал тебе, что всё никак не могу найти подходящего случая, чтобы поговорить с женой. Подходящего случая действительного не было, потом он когда-то подвернулся, но что-то там пошло не так, я просто не хочу вдаваться в подробности, ты же понимаешь, как для меня это всё сложно сейчас. И странным образом, не смотря на все ссоры, истерики и угрозы, эта ситуация устраивала нас обоих. Мы же немножечко ненормальные, да? Потому и счастливы.

Когда тебе было семьдесят восемь, я уже не мог вспомнить, сколько мне лет, и ты каждый раз с раздражением напоминала мне об этом. Мы ели очень жидкий, невкусный бульон и нуждались друг в друге.

Когда тебе было девятнадцать, ты ехала на велосипеде по берегу и курила украденные у брата сигареты. Ветер в лицо, велосипед жалобно позванивал на ухабах, экзамены были позади, ты была совершенно свободна и счастлива.

Потому что ты точно знала.

Что я еще не родился.